

А.А.Худяков
Архангельск

Логическое и сублогическое в языке и познании

Формулируемые логикой основные законы мышления, восходящие к Аристотелю, основываются на Аристотелевской же модели категоризации, получившей статус классической. Ставя под сомнение жизнеспособность данной модели и предлагая в качестве альтернативы прототипическую модель, когнитивной науке следовало бы критически оценить и основные законы мышления, предписанные логикой. Можно лишь удивляться тому факту, что когнитология, весь методологический пафос которой состоит в исследовании живого, естественного, наивного, **реального** мышления и его языковой репрезентации до сих пор не подвергла ревизии указанные логические законы. Попытаемся вкратце восполнить этот пробел.

Согласно закону тождества, каждая мысль, которая приводится в данном умозаключении, должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание. Проще можно сказать, что каждая мыслительная сущность должна быть тождественна сама себе. Однако всегда ли это так в мышлении и языке? Даже не останавливаясь на рассмотрении таких феноменов, как омонимия и синонимия, в качестве общего правила для единиц лексической системы приходится констатировать наличие таких свойств, как принципиальная открытость и неконечность списка словозначений, способность слова к постоянной и незаметной семантической эволюции и, как следствие, зыбкость, размытость и неопределенность семантических контуров слова, что предопределяет его нетождественность самому себе. С особой наглядностью банкротство закона тождества проявляется в так называемых высказываниях тождества, представляющих собой квазитавтологичные конструкции типа *Зима есть зима, На войне как на войне, Игра есть игра, Boys will be boys* и так далее. Будучи формально тавтологичными, фактически они являются информативными, содержательными и вполне осмысленными, а потому весьма рекуррентными в речевой практике. Действительно, формально тождественные логические субъекты и логические предикаты в подобного рода высказываниях являются содержательно разными. Логический предикат при этом кодирует неизмеримо более богатую, объемную и содержательную информацию о субъекте, являясь формально ему тождественным. Так, высказывание *Зима есть зима* может оказаться вполне уместным в таких контекстах, когда требуется выразить мысль о том, что зима это такое время года, когда высок риск простудиться, так как относительно низка температура наружного воздуха, поэтому необходимо тепло одеваться. Для автомобилиста это высказывание может обозначать, что в данное время года движение на дорогах затруднено и может быть значительно более опасным. Сказанное работником туристического агентства, данное предложение может означать, что зимой люди меньше путешествуют, следовательно, в туристическом бизнесе наблюдается спад.

Логический закон противоречия учит, что не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время в одном и

том же отношении. Для лингвиста это означает не только изгнание из сферы научных интересов такой стилистической фигуры как оксюморон, но также и полный отказ от осмысления таких, например, высказываний, как *Этот фильм одновременно и смешной и грустный*, *Этот голос казался ему одновременно и очень знакомым и совершенно чужим*, *Eyes wide shut*. Будучи противоречивыми с формально-логической стороны, такие высказывания вместе с тем прекрасно осмысляются использующими их людьми и порождаются в огромном количестве в самых различных типах дискурса.

Закон исключенного третьего гласит, что из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно необходимо истинно, второе необходимо ложно, а третьего не дано. Суть этого закона иллюстрируется известным латинским выражением *tertium non datur*. В реальных коммуникативных ситуациях действенность этого закона опровергается столь же легко, как и прочих. Так, некто, ошибочно полагая, что его собеседник бывал во Владивостоке, может задать ему вопрос: “Вы давно вернулись из Владивостока?” При этом любой из двух ответов (*Да, я давно вернулся из Владивостока*; *Нет, я недавно вернулся из Владивостока*) будет ложным, так как данный человек никогда и не был во Владивостоке. В хорошо известной отечественному читателю книге А. Линдгрена “Малыш и Карлсон, который живет на крыше” описывается эпизод, когда Фрекен Бок, раздраженная лукавством Карлсона и безотчетно руководствуясь Аристотелевским законом исключенного третьего, указывает Карлсону, что на любой ясно поставленный вопрос можно дать однозначный четкий ответ: *Да* или *Нет*. Стихийный когнитивист Карлсон легко опровергает данное утверждение своей собеседницы, предлагая ей быстро и не задумываясь ответить на его вопрос: “Скажи, ты уже перестала пить коньяк по утрам?”, чем ставит ее в тупик. Вооруженный теорией пресуппозиции лингвист не замедлит дать объяснение “пробусовке” закона исключенного третьего. Отвечая на вопрос Карлсона (либо *Да, я перестала пить коньяк по утрам*, либо *Нет, я не перестала пить коньяк по утрам*), Фрекен Бок в любом случае бы сделала ложное утверждение, так как и при первом, и при втором ответе сохраняется пресуппозиция «я пью/ пила коньяк по утрам», что не соответствует действительности. Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению, приходится признать, что *tertium datur*.

Четвертый основной закон логического мышления – закон достаточного основания – был предложен Г. В. фон Лейбницем в 17 веке. Он устанавливает, что всякая истинная мысль может быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана. По сути, данный закон запрещает 1) множественность выводных суждений из одного общего суждения, истинность которого доказана, то есть в случае, когда люди приходят к разным заключениям на основе одной истинностной посылки; 2) взаимоисключающий характер выводных суждений, то есть в случае, когда из одной и той же истинностной посылки люди делают прямо противоположные выводы; 3) парадоксальность мышления, которая фактически часто является свидетельством гениальности ума (вспомним известную строфу А.С. Пушкина «... и гений, парадоксов друг»).

Как представляется, коренная причина, делающая формально-логические законы мышления малопригодными для описания реально функционирующего живого человеческого ума, состоит в том, что базируются они на жесткой двужначной логике, отстаивающей

ригористичную таксономизацию объектов физического и ментального мира и в конечном счете уподобляющей сознание человека вычислительному механизму наподобие компьютера. При этом не принимается во внимание тот факт, что творческое человеческое мышление сплошь и рядом игнорирует конвенции логических алгоритмов и создает духовный продукт на основе не только и не столько логических, сколько сублогических закономерностей.